

Цю Цзюнь яростно засучил рукава и ринулся напрямик к резервуару с Фэй Тяньмином — вид у него был такой, словно он собирался разбить этот чертов сосуд вдребезги.

Фэй Жань лишь недоуменно приподнял бровь, остальные же и вовсе застыли в немом шоке.

Фу Дун едва успел перехватить командира поперек туловища:

— Капитан, остынь! Умоляю, успокойся!

— Пусти меня! — в ярости взревел Цю Цзюнь. — Какого хера я вообще позволил вам слушать бредни этого мудилы?!

Фэй Жань окончательно потерял дар речи, а сам Фэй Тяньмин, казалось, опешил от такой наглости.

— Хер ли толку от твоего куска серого вещества?! — продолжал бушевать капитан. — Ни одного дела до ума довести не смог, зато демагогию развел — заслушаешься! С какого бодуна ты решил, что вправе решать за всё человечество? Тоже мне, «ступенька», «великая честь»! Если в тебе осталась хоть капля стыда, избавь нас от своего присутствия, убейся прямо сейчас! Так и быть, из уважения к Фэй Жаню я зарою твои мозги в землю. И хотя сомневаюсь, что твоя убогая черепушка способна стать хорошим удобрением для родины, это всё же лучше, чем загрязнять окружающую среду, валяясь на помойке!

Фэй Жань мысленно крутил пальцем у виска. Фэй Тяньмин же буквально задыхался от гнева, если бы у него было чем дышать:

— Ты... да как ты... щенок!

Син Хайфэн с опаской покосился на безумно замигавшие на резервуаре индикаторы. Он всерьёз заперевживал: если капитан продолжит в том же духе, этот мозг в банке рискует взорваться от злости — причем в самом буквальном смысле.

— Кэп, может, притормозишь?.. — робко вставил Син Хайфэн.

— Поддерживаю, — совершенно серьезно добавил Юй Лицян. — Ещё пара слов, и он с горя сожрёт нас вместе с этой лабораторией.

— Да пусть пробует! — рявкнул Цю Цзюнь. — Вместе сдохнем, мне терять нечего!

Фэй Жань молча завис.

«Ничего себе стальной мужик...»

Юноша пребывал в легком смятении. Образ Цю Цзюня — благородного, добродушного и даже слегка наивного идеалиста, который Фэй Жань успел себе нарисовать, — с треском рушился прямо на глазах.

«Система, эй, Система! — мысленно позвал Фэй Жань. — Цю Цзюнь реально такой отбитый? Это же как надо было шифроваться, чтобы никто даже не заподозрил его истинную натуру? Слушай, может, он и есть главный злодей этой истории?»

«Исключено! — отозвался Мерлин. — Э-эм... Хотя, возможно, это скрытая пасхалка, которую заложили сценаристы»

«Охренеть у вас шуточки, — хмыкнул Фэй Жань. — Сделать чужой скверный характер пасхалкой — это сильно»

«... Десять очков системы на счет. Закрой рот»

«Ты кого тут за нищего держишь? Десять очков системы?!»

«Тогда один»

«Воу-воу, ладно! Десять — просто отличная цифра, я молчу!»

Фэй Тяньмин тоже никак не ожидал от Цю Цзюня подобной прыти. За всю свою жизнь он ни разу не подвергался столь изошренному и наглому унижению.

— А ты сам-то кто такой, чтобы мне угрожать? — Фэй Тяньмин проскрежетал синтезированным голосом. — Из-за твоего упрямства и шкурных интересов погибнет весь человеческий род! Неужели твоя совесть чиста?!

— Слышь ты, вершитель судеб, у тебя руки по локоть в крови, а ты всё туда же — в праведники метишь! — презрительно фыркнул Цю Цзюнь. — С какой стати мне убиваться из-за горстки эмбрионов, которые хрен знает, выживут ли вообще? Да и какие там эмбрионы, так, неоплодотворенные яйцеклетки в пробирке!

Фэй Тяньмин лишился дара речи от такой наглости.

— Дремучий невежда! — взвился Фэй Тяньмин. — Даже муравьи понимают, что ради выживания колонии часть особей обязана пойти под нож! А ты, венец творения, смеешь тут пасть разевать? Если человечество сгинет из-за твоей глупости, ты готов взять этот грех на душу?!

Фэй Жань невольно затаил дыхание, впившись взглядом в Цю Цзюня. Ему было до безумия любопытно, чем ответит капитан.

Ведь если рассуждать чисто прагматически, план Фэй Тяньмина, при всей его бесчеловечной жестокости, оставался единственным реальным шансом спасти человечество как вид. Любой благородный муж, пекущийся о «высшем благе», сейчас наверняка запел бы о необходимости самопожертвования.

В конце концов... речь шла о выживании целой расы.

Цю Цзюнь лишь едко усмехнулся:

— Красиво поешь, да только мне твои великие идеи не по размеру. И вообще, сдается мне, в твою банку залили паленый питательный раствор. Иначе с чего бы твои человеческие чувства и мораль растворились там без остатка?

— Кроме оскорблений у тебя есть хоть один дельный довод? — огрызнулся Фэй Тяньмин. — Ты же абсолютный ноль, пустое место! Не способный предложить ни единого здравого решения, ты смеешь поливать грязью тех, кто пытается спасти остатки цивилизации! Да ты ничем не отличаешься от тех диванных критиков, которые до катастрофы строчили злобные комменты в сети!

— Разница колоссальная, — хладнокровно отрезал Цю Цзюнь. — У меня, в отличие от них, слова с делом не расходятся. Хочешь прямо сейчас проверить мою силу на прочность?

Наступила гнетущая тишина.

Фэй Тяньмин заговорил дрожащим синтезированным голосом от сдерживаемой, бессильной ярости:

— Только и умеешь, что пугать погромом! На большее ума не хватает? Заруби себе на носу: это моя территория. И то, что я безвылазно торчу здесь семь лет, давая вам шанс на спасение — заслуга исключительно моего сына. Это он до последнего верил в вас, дураков, надеялся, что вы способны принести человечеству надежду! Тьфу, да он просто пороку в этой жизни не нюхал!

Фэй Жань мысленно закатил глаза.

«Эй, вы там грызетесь, а крайним меня делаете? Премного благодарен»

— Недоучка, выросший в теплице! — продолжал вещать Фэй Тяньмин. — Избалованный мальчишка, не познавший ни голода, ни лишений, обыкновенный прекраснодушный мечтатель! Но если ты продолжишь испытывать мое терпение, мне ничего не стоит пустить вас

всех в расход.

Фэй Жань, который люто, до скрежета зубовного ненавидел, когда его называли баловнем судьбы, натянул вежливую улыбку.

«Слышь, папаша, ты у меня сейчас договоришься...»

— Закрой пасть, ты не имеешь права так о нем говорить! — перебил его Цю Цзюнь, и в его голосе зазвенела сталь. — Посмотри на экраны за своей спиной! О каких, к черту, тепличных условиях ты лопочешь? Он сильнее и выносливее тебя в сотни раз. Пока ты, как трусливый слизняк, забился в раковину и плевал на весь мир, изредка поглядывая в щелку, он проливал кровь на передовой! Он сражался лицом к лицу с кошмаром, и даже сама смерть не смогла его остановить!

Фэй Тяньмин разразился саркастическим смехом:

— И много толку от его беготни? В этом мире важен лишь результат, а на твои пресловутые страдания всем плевать! Ну тужился он, ну мучился — и что дальше? Кому легче от того, что его жизнь была сплошным адом? Я, по крайней мере, создал детальный проект по возрождению нашей расы и имею все ресурсы для его запуска. А этот твой герой за столько лет борьбы чего добился? Снабжал похлёбкой мутантов в нижних ярусах? Курам на смех!

— Наша борьба не прекращается ни на миг, — твердо, без тени сомнения произнес Цю Цзюнь. Он смотрел с ровным, чистым светом в глазах. — Ни один из нас, выживших в этом аду, не тешил себя иллюзиями. Мы не ждали, что в один прекрасный день все зомби растворятся в воздухе или с неба упадет чудодейственная вакцина. Мы бьемся за тех, кто стоит плечом к плечу с нами. За друзей, с которыми делим последний сухарь, за близких, чей смех согревает наши остывшие души. Нам плевать на сияющее где-то в недостижимой вышине солнце будущего — мы видим лишь скромные цветы у обочины пыльной дороги. И пускай для тебя эти дикие бутоны лишь сорняки, подлежащие истреблению, для нас они — единственное сокровище, ради которого стоит жить. Так что засунь свои рассказы о «великом солнце» поглубже в свою банку. Тошнит уже от твоей патетики.

В лаборатории повисла звенящая тишина. Все молча переваривали услышанное.

Фэн Цзе смотрел на капитана затаив дыхание с безграничным, благоговейным восхищением. Вот он — человек, которого он полюбил всем сердцем. Мужчина, способный пронести свою правду сквозь любые штормы и невзгоды, не прогнувшись ни на йоту. Его вера была настолько яркой, что могла служить путеводной звездой для каждого, кто заплутал в беспросветном мраке этого мира.

Фэй Жань тоже потрясенно смотрел на Цю Цзюня с искрами неведомого доселе тепла. Ему почудилось, будто невидимые оковы, годами сжимавшие его душу, начали со звоном лопаться, а иссохший внутренний колодец вновь начал медленно наполняться живой влагой...

— Ы-ы-ы, кэп... — громко шмыгнул носом растроганный до слез Фу Дун. — Ну ты выдал! Я и не знал, что мы для тебя столько значим!

Наполнявшийся было колодец в душе Фэй Жаня мгновенно испарился без следа.

— Эй ты, консервированный мозг! — Дун-цзы с вызовом уставился на резервуар. — Даже не думай нас стравливать. Запомни: мы за командиром хоть в пекло пойдём, понял?!

— Что-о?! Консервированный мозг?! — взвыл Фэй Тяньмин. Если бы у него были руки, он бы лично содрал с этого наглеца шкуру.

Торжественная, трогательная атмосфера моментально улетучилась, развеянная простотой Фу Дуна.

Цю Цзюнь судорожно усмехнулся, понимая, что весь пафос пошел прахом. Перепалка начинала утомлять.

— Ладно, завязываем с болтовней, пора спускаться, — он повернулся к юноше. — Фэй Жань, ты с нами или?..

— Ступайте вперед, — мягко покачал головой юноша. — Мне нужно перекинуться парой слов с родителем с глазу на глаз.

Индикаторы на колбе Фэй Тяньмина тускло мигнули, но промолчали.

Сю Юнган смерил резервуар кровожадным взглядом и вполголоса предложил:

— Капитан, может, все-таки расколотим эту посудину от греха подальше? Вдруг мы там, внизу, сгинем, а эта тварь возьмет и запустит свой протокол уничтожения?

Цю Цзюнь нахмурился, собираясь высказать свое веское мнение.

Но Фэй Жань лишь тихо усмехнулся и остановил его жестом:

— Не стоит беспокоиться. Он этого не сделает.

На него уставились с явным недоумением.

Мерцание на приборной панели замерло. Кажется, сам Фэй Тяньмин опешил от такой уверенности со стороны сына.

Фэй Жань задумчиво оглядел стеклянный сосуд, и посмотрел на него с теплом и странным сочувствием:

— Скажи мне... этот проект «мозга в колбе» ведь не твоя разработка, верно?

В ответ раздался лишь тихий гул вентиляторов охлаждения.

— Пускай по отношению ко мне ты вел себя как законченный эгоист и сухарь, — неторопливо продолжил Фэй Жань, — но я знаю одну вещь. Ты ценил человечество больше, чем кто-либо другой. Ты искренне любил людей и сам невероятно дорожил даром жизни.

Иначе зачем бы он до катастрофы тратил годы на разработку препаратов для продления молодости и поддержания здоровья? Фэй Тяньмин всегда настаивал: любые лекарства и методы лечения должны сохранять первозданную человеческую природу, без мутаций и аугментаций. Этот путь был невероятно тернист и сложен, его высмеивали коллеги, его не понимали чиновники, но он упорно гнул свою линию.

Просматривая в уме отчет о жизни ученого, заблаговременно купленный у Мерлина за кругленькую сумму очков системы, Фэй Жань тихо спросил:

— Тебе ведь чертовски паршиво сейчас, правда?

Где-то в глубине уцелевших нейронов Фэй Тяньмину показалось, будто у него перехватило горло. Он забыл, что у него уже давно нет горла, способного сжиматься от спазмов.

Больно ли ему? О да, невыносимо.

Технологический уровень этого угасающего мира оставлял желать лучшего. Из всех органов чувств у Фэй Тяньмина остались лишь объективы камер, транслирующие размытую картинку, да микрофоны, улавливающие глухие звуки. Он лишился вкуса, запаха, осязания, не мог почувствовать дуновение ветра или тепло солнечного света. Даже физическая боль стала для него недостижимой роскошью. Вокруг него раскинулась бескрайняя, ледяная пустота.

Из-за несовершенства поддерживающих систем ему приходилось периодически активировать неуклюжие механические манипуляторы, чтобы промывать собственный мозг и обновлять питательный раствор в резервуаре.

Каково это — изо дня в день видеть себя низведенным до серого комка плоти в стеклянной колбе? Осознать, что превратился в кошмарное чудовище, но быть вынужденным до мельчайших подробностей изучать собственные извилины, раз за разом натываясь на отражение в стекле?

Фэй Тяньмина душила тошнота. Но у него не осталось даже желудка, чтобы исторгнуть эту

горечь наружу...

До этого момента ученому казалось, что он утратил страх. Он не боялся ни колоссальной ответственности за судьбу расы, ни груза чужих жизней, оборвавшихся по его воле. Но сейчас он содрогнулся. Содрогнулся от простых слов юноши, который стоял перед ним — чужака, явившегося, казалось, из совсем иного мира.

Мозг в банке отчаянно хотел разрыдаться. Ему хотелось закричать во весь голос, сорвать этот фальшивый электронный тон, выплеснуть всю накопившуюся за долгие годы боль, обиду и одиночество. Он понимал: перед ним стоит единственный живой человек, способный его выслушать и понять. Единственный, у кого он мог бы умолять о помощи.

Помощи в том, чтобы закончить эти мучения. Чтобы уничтожить этот проклятый мир и подарить ему долгожданное избавление — смерть.

Однако время шло. Огни на панели управления безумно метались из стороны в сторону, пока наконец не успокоились. Раздался тихий, лишенный эмоций динамический скрежет:

— Я отвечу на твои вопросы только в том случае, если вы вернетесь оттуда живыми. Ступай за ними, Фэй Жань.

Все промолчали. Цю Цзюнь молча бросил быстрый взгляд на юношу, развернулся и увлек за собой отряд.

Сю Юнган, шедший последним, нахмурился. Он перевел тяжелый взгляд с командира на Фэй Жаня, шумно вздохнул и, так и не решившись настаивать на уничтожении резервуара, зашагал следом за остальными.

<http://bllate.org/book/18350/1865470>